

О генеалогии морали

«*К генеалогии морали: полемическое сочинение*» (нем.*Zur Genealogie der Moral: Eine Streitschrift*; иногда также переводится как «*К генеалогии морали*») — книга немецкого философа Фридриха Ницше, вышедшая в 1887 году. Она состоит из предисловия и трёх взаимосвязанных трактатов (нем. *Abhandlungen*), которые расширяют и развивают концепции, изложенные Ницше в «*По ту сторону добра и зла*» (1886). Три трактата прослеживают этапы эволюции моральных концепций с целью борьбы с «моральными предрассудками», в частности с предрассудками христианства и иудаизма.

Некоторые ницшеанские исследователи считают «*Генеалогию*» произведением, отличающимся непревзойдённым блеском и силой, а также его шедевром.^[1] С момента публикации оно оказало влияние на многих авторов и философов.

Краткие сведения

Предисловие

В трактате Ницше изложены его мысли «о происхождении наших моральных предрассудков», ранее кратко изложенные в его работах «*Человеческое, слишком человеческое*» (1878) и «*По ту сторону добра и зла*» (1886). Ницше объясняет своё желание опубликовать «гипотезы» о происхождении морали тем, что прочитал книгу своего друга Поля Рэ «*Происхождение нравственных чувств*» (1877) и счёл предложенные там «генеалогические гипотезы» неудовлетворительными.

Ницше решил, что необходима «критика моральных ценностей», что «ценность самих этих ценностей должна быть поставлена под сомнение». С этой целью Ницше излагает историю морали, а не гипотетический рассказ в стиле Ре, которого Ницше называет «английским психологом»^[2] (используя слово «английский» для обозначения интеллектуального темперамента, а не национальности).

Первый трактат: «Добро и зло», «Хорошее и плохое»

В «Первом трактате» Ницше демонстрирует, что две пары противоположностей «добро/зло» и «хорошее/плохое» имеют совершенно разное происхождение и что само слово «добро» стало обозначать два противоположных значения. В аристократическом образе мышления, основанном на противопоставлении «хорошего» и «плохого», «хорошее» синонимично благородству и всему, что является сильным и жизнеутверждающим; «плохое» не несёт в себе обвинительного подтекста и просто относится к «простому» или «низкому» и связанным с ними качествам и ценностям, в отличие от воинственного духа правящей знати (§ 3). В противопоставлении «добро/зло», которое Ницше

О генеалогии морали

Zur	
Genealogie der Moral.	
Eine Streitschrift	
von	
Friedrich Nietzsche.	
LEIPZIG	
Verlag von C. G. Naumann.	
1887.	
Титульный лист первого издания.	
Автор	<u>Friedrich Nietzsche</u>
Оригинальное название	<i>Zur Genealogie der Moral</i>
Субъект	<u>Этика</u>
Опубликованный	1887
Место публикации	<u>Германия</u>
Предшествует	<i>По ту сторону добра и зла</i> (1886)
За которым следует	<i>Дело Вагнера</i> (1888)

называет «рабской моралью», значение «добра» становится противоположностью изначального аристократического «добра», которое само по себе переименовывается в «зло». Эта инверсия ценностей развивается из ненависти, которую слабые испытывают по отношению к сильным.

Ницше упрекает «английских психологов» в отсутствии исторического чутья. Они пытаются провести генеалогию морали, объясняя альтруизм с точки зрения полезности альтруистических действий, о которой впоследствии забывают, когда такие действия становятся нормой. Но, по мнению Ницше, суждение «хорошо» исходит не от тех, кому выгодны альтруистические действия. Скорее, сами «хорошие» (могущественные) придумали термин «хорошо». Кроме того, Ницше считает психологически абсурдным то, что альтруизм проистекает из *забытой* пользы: если это полезно, то что заставляет забывать об этом? Такое бессмысленное оценочное суждение подкрепляется ожиданиями, которые постоянно формируют сознание.

От аристократического способа оценки отделяется другой способ оценки, который развивается в свою противоположность: жреческий способ. Ницше предполагает, что давнее противостояние между жреческой кастой и кастой воинов подпитывает это разделение смыслов. Жрецы и все те, кто чувствует себя бесправными и бессильными в унижительном состоянии подчинения и физического бессилия (например, в рабстве), испытывают глубокую и яростную ненависть к сильным мира сего. Так возникает то, что Ницше называет «восстанием рабов в морали», которое, по его мнению, начинается с иудаизма (§ 7), поскольку именно он стал мостом, по которому отчуждённые, угнетённые массы Римской империи перешли к восстанию рабов посредством христианской морали (доминирующая тема в «Антихристе», написанном в следующем году).

Для благородной жизни справедливость — это нечто непосредственное, реальное и доброе, что обязательно требует наличия врагов. Для рабской морали справедливость — это отложенное событие, которое в конечном счёте принимает форму воображаемой мести, которая приведёт к вечной жизни для слабых и наказанию для сильных. Рабская мораль вырастает из бессилия, усталости от жизни, негодования и зависти; она претендует на то, чтобы говорить от имени угнетённых масс, которые были обижены, лишены возможности действовать немедленно хозяевами, которые процветают за счёт их порабощения. Люди, страдающие *рессантизмом*, в инверсии ценностей переосмысливают «добро» по-своему. Говорят: «Он добр, кто не возмущается, кто никому не причиняет вреда, кто не нападает, кто не мстит, кто оставляет месть Богу, кто избегает зла и мало чего желает от жизни, как мы, терпеливые, смиренные и справедливые» (§ 13). По мнению Ницше, это всего лишь превращение последствий и качеств бессилия в *добродетели*, как если бы эти последствия и качества были *выбраны* — похвальные деяния «доброго» человека. Поступки могущественного человека, которые он считает «хорошими», переосмысливаются людьми из *Реваншизм* как «зло», приобретающее мистический морально-осуждающий элемент, полностью отсутствующий в аристократическом «плохом», которое для дворянина было просто описанием низших качеств низших классов.

В «Первом трактате» Ницше вводит один из своих самых противоречивых образов — «светлого зверя». Ранее он использовал это выражение для описания льва — образа, который занимает центральное место в его философии и впервые появляется в «Так говорил Заратустра». Помимо метафорического льва, Ницше образно ассоциирует «светловолосого зверя» с арийской расой кельтов и гэлов, которые, по его словам, были светлокожими и светловолосыми и составляли коллективную аристократию того времени. Таким образом, он ассоциирует «доброго, благородного, чистого, изначальное светловолосого человека» с темнокожими и темноволосыми коренными жителями (воплощением «зла»). Здесь он вводит понятие изначальных светловолосых чудовищ как «высшей расы», которая утратила своё господство над человечеством, но не обязательно навсегда. Однако в то же время он приводит в качестве примеров светловолосых чудовищ такие народы, как японская и арабская знать древности (§11), предполагая, что принадлежность к светловолосым чудовищам больше связана с моралью, чем с расой. Питер Слотердайн утверждает: «У Ницше нет «евгеники».

Ницше настаивает на том, что хищных животных ошибочно считать «злыми», поскольку их действия обусловлены присущей им силой, а не какими-либо злыми намерениями. Нельзя винить их за «жажду врагов, сопротивления и побед», потому что, по мнению Ницше, нет «субъекта», отдельного от действия:

Квант силы эквивалентен кванту побуждения, воли, воздействия — более того, это не что иное, как именно это побуждение, воля, воздействие, и только из-за соблазна языка (и укоренившихся в нём фундаментальных ошибок разума) все воздействия воспринимаются и ошибочно понимаются как обусловленные чем-то, что вызывает воздействия, «субъектом». Подобно тому, как обыденное сознание отделяет молнию от её вспышки и воспринимает последнюю как *действие*, как работу объекта, называемого молнией, так и обыденная мораль отделяет силу от проявлений силы, как будто за сильным человеком стоит нейтральный субстрат, который *свободен* проявлять силу или не проявлять её. Но такого субстрата не существует; за действием, совершением, становлением нет «существа»; «совершающий» — это всего лишь выдумка, добавленная к действию, — действие есть всё (§13).

«Субъект» (или душа) необходим только для рабской морали. Он позволяет бессильному человеку освятить качества своего бессилия, превратив их в «добрые» качества, *выбранные* по моральным соображениям, а действия своего угнетателя — в «злые» с моральной точки зрения.

Ницше завершает свой «Первый трактат» предположением о грандиозной исторической борьбе между римским дуализмом «добро/зло» и иудейским дуализмом «добро/зло», в которой последний в конечном счёте одерживает победу над ресентиментом, временно сломленным Ренессансом, но затем восстановленным Реформацией и окончательно подтверждённым Французской революцией, когда восторжествовали «*инстинкты ресентимента черни*».

Первый трактат завершается примечанием, призывающим к дальнейшему изучению истории моральных концепций и иерархии ценностей.

Второй трактат: «Чувство вины», «Угрызения совести» и связанные с ними вопросы

Согласно Ницше, то, что мы называем «совестью», является конечным продуктом длительного и болезненного социально-исторического процесса, который начался с необходимости создать *память* у человека. Для поддержания психического здоровья и функциональности человеческий организм от природы *забывчив*. Забвение — это «активная и в строгом смысле *позитивная* способность к вытеснению, которая отвечает за то, что то, что мы переживаем и усваиваем, попадает в наше сознание в той же мере, в какой мы перевариваем это (можно назвать этот процесс «инпсихацией»), как и тысячекратный процесс, связанный с физическим питанием, — так называемое усвоение» (§ 1). Но социальное существование в той мере, в какой социальный организм должен функционировать как единое целое, чтобы выживать и процветать, требует, чтобы некоторые вещи *не* забывались, чтобы люди *помнили* о своём месте в целом. Память в этом смысле, общественное сознание в его зачаточной форме, с большим трудом формировалось в течение длительного периода времени с помощью того, что Ницше называет *мнемотехникой* человека, основополагающим принципом которой является: «Если что-то должно остаться в памяти, оно должно быть *выжжено*: в памяти остаётся только то, что никогда не перестаёт причинять боль» (§ 3).

Этот долгий доисторический процесс позволяет утвердиться «морали обычаев», благодаря которой человек становится предсказуемым, регулярным и управляемым. Его «созревший плод» — «суверенная личность», человек, чья «социальная ответственность» стала плотью и кровью, личность, которая с таким трудом добилась власти над собой, что способна определять и гарантировать свои

будущие действия. Такой человек обладает *свободой воли*: благодаря своему самообладанию он *имеет право давать обещания*. Совесть в этом смысле — это самодисциплина социальной ответственности, ставшая доминирующим инстинктом; для такого человека все остальные люди, вещи и обстоятельства оцениваются с точки зрения этого инстинкта. (§2)

Именно в договорных отношениях, основанных на взаимных обещаниях, один человек впервые *«сопоставил себя с другим... Установление цен, определение стоимости, поиск эквивалентов, обмен — всё это занимало умы первых людей в такой степени, что в определённом смысле это и есть мышление как таковое»* (§ 8). «Право» и «справедливость», общественные кодексы, суждения и предписания в отношении индивидуальных и межличностных прав и обязанностей формируются в контексте этой концептуальной парадигмы, основанной на оценке договоров. Таким образом, сила «совести», способность давать обещания и не нарушать их, лично гарантировать свои будущие действия, выполнять обязательства перед другими являются жизненно важными факторами, определяющими социальный статус человека.

Понятия «вина» и «наказание» также берут своё начало в договорных отношениях. Здесь «вина» (*schuld*) просто означала «долг» (*schulden*): виновный — это просто тот, кто не смог выплатить долг. В качестве наказания кредитор получает право причинить вред виновному. Согласно Ницше, такая сделка становится возможной благодаря *удовольствию от жестокости*. Его логика никоим образом не связана с рассуждениями о свободе воли, моральной ответственности и т. д. правонарушителя: это не что иное, как особая форма компенсации для пострадавшей стороны. Кредитор получает компенсацию «в виде своего рода *удовольствия* — удовольствия от того, что ему позволено свободно использовать свою власть над тем, кто бессилен» (§ 5). Такое наказание было законным правом кредитора, и в некоторых юридических справочниках были точные количественные показатели того, что можно было сделать с телом должника в зависимости от суммы долга. Именно в этом гражданском праве, оправдывающем жестокость, «вина» впервые стала ассоциироваться со «страданиями».

В уголовном праве наказание и отношения между должником и кредитором были перенесены на отношения между человеком и обществом. Человек получает ряд преимуществ от совместной жизни, наиболее очевидным из которых является защита от враждебного мира *за пределами* общества: в обмен на эту защиту человек обязуется соблюдать обычаи и законы общества. Если это обещание будет нарушено, сообщество, как оскорблённый кредитор, потребует возмещения ущерба. Воинственное и ориентированное на выживание сообщество, постоянно сталкивающееся с опасностью или нехваткой ресурсов, будет жестоким и беспощадным в обращении с нарушителями закона. По мере того, как безопасность и уверенность сообщества в себе растут, вред от проступков отдельных людей соответственно уменьшается, и для сохранения более гармоничного состояния необходимо контролировать и регулировать чрезмерно жестокие реакции. Природа уголовного права такого сообщества будет заключаться в компромиссе между этим требованием и разгневанными силами, жаждущими крови и насилия. Основной способ достижения этой цели — отделить деяние от совершившего его человека с помощью концепции «преступления», превратив фактическое деяние в абстрактную правовую категорию, подразумевающую «долг перед обществом», долг, который в конечном счёте может быть выплачен посредством соответствующего «наказания».

Согласно Ницше, не следует приравнивать происхождение чего-либо к его полезности. Например, происхождение наказания заключается в процедуре, которая предшествует множеству возможных применений и интерпретаций. У наказания есть не только одна цель, но и целый ряд «значений», которые «в конечном счёте кристаллизуются в своего рода единство, которое трудно растворить, трудно проанализировать и... совершенно невозможно определить» (§ 13). Ницше перечисляет одиннадцать различных применений (или «значений») наказания и предполагает, что их гораздо больше. Однако у наказания есть одна функция, которой у него нет, — пробуждение угрызений совести. Психология заключённых показывает, что наказание «делает жёстким и холодным; оно концентрирует; оно обостряет чувство отчуждённости» (§ 14). *Чувство вины, угрызения совести*

имеют совершенно другое происхождение и большую часть своей истории не имели никакого отношения к институтам преступления и наказания. К преступнику относились просто как к чему-то вредоносному, как к «безответственному стечению обстоятельств», а человек, которому назначалось наказание, хотя его тело и сталкивалось с чем-то шокирующим и жестоким, совершенно не знал, что такое «моральная» боль. Единственным «уроком», который он извлёк из наказания, была *осторожность* и память. Наказание вызывает «усиление страха, повышение осмотрительности, контроль над желаниями: таким образом, наказание *обуздает* людей, но не делает их «лучше». (§15)

Согласно теории Ницше, угрызения совести были серьёзной болезнью, которой неизбежно заболел человек-животное, когда оказывался в стенах политически организованного общества. Это начинается с учреждения «государства» в его изначальной форме — насильственного подчинения народа высокоорганизованной и безжалостной военной машине: «Придание доселе бесконтрольному и бесформенному населению твёрдой формы было не только начато актом насилия, но и доведено до конца исключительно актами насилия» (§ 17). Таким образом, человеческое животное стало *подчинённым*, заключённым в систему навязанных извне функций и целей, а его направленные вовне стремления и импульсы были обращены внутрь: «инстинкт свободы был подавлен и заключён внутри и в конце концов смог разрядиться и выплеснуться только на самого себя» (§16). Это *воля к власти*, та же активная сила, которая действует в тех, кто прибегает к насилию, и в тех, кто создаёт государства, но лишённая своего объекта и направленная на саму себя. Этот *внутренний* мир «самообольщения» и «жестокости художников» стал «колыбелью всех идеальных и воображаемых явлений», *душой* человека. (§18)

Чтобы понять, как нечистая совесть стала ассоциироваться с чувством вины и наказанием, необходимо рассмотреть, как эти понятия приобрели *религиозное* значение. Ницше объясняет происхождение понятия «Бог», рассматривая, что происходит, когда племя становится всё более могущественным. Каждое последующее поколение сохраняет чувство долга (вины) перед основателями племени, предками. Считается, что само существование племени зависит от постоянного признания и почитания предка, чей могущественный дух до сих пор присутствует во всех обычаях и повседневной деятельности. По мере роста могущества племени растёт и долг перед предком. Невидимая, но вездесущая фигура предка обретает всё большую силу и таинственность, пока, в конце концов, в параноидальных фантазиях его должников он не начинает «уходить во тьму божественного, сверхъестественного и невообразимого: в конце концов, предок обязательно должен превратиться в *бога*.» (§19)

Историческое движение к универсальным империям привело к развитию монотеистических религий, и именно в христианстве чувство вины достигло своего *наивысшего уровня*. Христианство — это религия, которая успешно стремилась навсегда связать понятие «вины» с нечистой совестью:

Цель сейчас состоит в том, чтобы пессимистически раз и навсегда исключить перспективу окончательного освобождения; *цель* сейчас состоит в том, чтобы заставить взгляд безутешно отпрянуть от железной невозможности; *цель* сейчас состоит в том, чтобы обратить понятия «вина» и «долг» вспять — вспять против кого?... в первую очередь против «должника», в котором отныне прочно укореняется нечистая совесть, разъедающая его и распространяющаяся внутри него, как полип, пока, наконец, непогашенный долг не порождает представление о непогашенном покаянии, мысль о том, что его нельзя искупить («вечное наказание»). (§21)

Всё человечество становится виноватым, будь то первопредок, который становится виновником «первородного греха», или «природа», мать, которую называют злой или постыдной, или существование в целом, которое теперь считается «*ничего не стоящим как таковое*». Христианство нашло выход, свой «гениальный ход» в тени этого надвигающегося вечного кошмара, провозгласив, что сам Бог в лице Иисуса принёс *себя в жертву* за грехи человечества. Новая религия учит, что Бог

выплачивает непосильный долг из *любви* — любви к своему должнику. Таким образом, вина, которая изначально означала лишь долг в договорном смысле, приобрела важное морально-метафизическое значение в понимании человечеством самого себя и своих отношений с Богом.

Ницше заканчивает «Трактат» позитивным предложением о противодействии «вивисекции совести и жестокости по отношению к животному в себе», навязанным дурной совестью: «привить дурной совести *неестественные* наклонности», то есть использовать склонность к саморазрушению, заключённую в дурной совести, для борьбы с симптомами болезни. Ещё слишком рано для такого свободного духа — Заратустры, — который мог бы это осуществить, хотя однажды он появится: он возникнет только во время воодушевляющего конфликта, а не в «разлагающемся, сомневающемся настоящем» (§24).

Третий трактат: «Что означают аскетические идеалы?»

Цель Ницше в «Третьем трактате» — «выявить не то, что [аскетический] идеал *сделал*, а просто то, что он *означает*; на что он указывает; что скрыто за ним, под ним, в нём; что является его временным, неясным выражением, покрытым вопросительными знаками и недоразумениями» (§ 23).

Как сообщает нам Ницше в Предисловии, Третий Трактат представляет собой комментарий к афоризму, приложенному к нему. Текстологические исследования показали, что этот афоризм состоит из § 1 Трактата (не является эпиграфом к Трактату, который представляет собой цитату из книги Ницше "*Так говорил Заратустра*").

Этот вступительный афоризм знакомит нас с множеством значений, которые аскетический идеал имеет для разных групп: (а) художников, (б) философов, (в) женщин, (г) людей с физиологическими отклонениями, (д) священников и (е) святых. То, что аскетический идеал был таким могущественным и означал так много разных вещей, является выражением основного факта человеческой воли: «*ужас перед пустотой* [ужас перед вакуумом]: ей нужна цель — и она скорее выберет *ничто*, чем не выберет ничего».

(а) Для художника аскетический идеал означает «ничего или слишком многое». Ницше в качестве примера приводит композитора Рихарда Вагнера. Художники, заключает он, всегда нуждаются в какой-то идеологии, чтобы поддерживать себя. Вагнер, как нам говорят, опирался на Шопенгауэра, чтобы обеспечить себе эту поддержку; поэтому нам следует обратиться к философам, если мы хотим приблизиться к пониманию того, что означает аскетический идеал.

(б) Для философа это означает «чувство и инстинкт, направленные на поиск наиболее благоприятных условий для высшей духовности», то есть на удовлетворение его стремления к независимости. Только в облике священника-аскета философ впервые может появиться, не вызывая подозрений в чрезмерном стремлении к власти. До сих пор каждый «истинный» философ сохранял атрибуты священника-аскета; его лозунгами были «бедность, целомудрие, смирение».

(е) Для священника это означает «высшую» лицензию на власть. Он позиционирует себя как «спасителя» (d) физиологически неполноценных людей, предлагая им лекарство от истощения и апатии (которое на самом деле является лишь терапией, не затрагивающей причины их страданий).

Ницше предлагает ряд причин широко распространенного физиологического торможения: (i) скрещивание рас; (ii) эмиграция расы в неподходящую среду (например, индийцы в Индию); (iii) истощение расы (например, пессимизм парижан 1850 года); (iv) неправильное питание (например, вегетарианство); (v) болезни различного рода, включая малярию и сифилис (например, депрессия в Германии после Тридцатилетней войны) (§17).

У священника-аскета есть несколько способов заглушить постоянную, ноющую боль у слабых. Четыре из них *невинны* в том смысле, что не причиняют пациенту дальнейшего вреда: (1) общее притупление чувства жизни; (2) механическая деятельность; (3) «маленькие радости», особенно любовь к ближнему; (4) пробуждение коллективного чувства силы. Кроме того, у него есть ряд стратегий, которые являются *виновными* в том смысле, что они усугубляют болезнь (хотя священник применяет их с чистой совестью); они работают, вызывая «оргию чувств» (*Gefühls-Ausschweifung*). Он делает это, «изменяя направление *реванизма*», то есть призывая слабых искать причины своего несчастья в себе («в грехе»), а не в других. Такое обучение покаянию ответственно, согласно Ницше, за такие явления, как танцоры средневековья Святого Вита и Святого Иоанна, истерия охоты на ведьм, сомнамбулизм (с 1564 по 1605 год было восемь эпидемий) и бред, характеризующийся широко распространенным криком "*evviva la morte!*" ("да здравствует смерть!").

Учитывая необычайный успех аскетического идеала в том, что он навязал себя всей нашей культуре, что мы можем противопоставить ему? «Где *противоположность* этой замкнутой системе воли, цели и интерпретации?» (§ 23) Ницше рассматривает в качестве возможных противников идеала: (а) современную науку; (б) современных историков; (в) «комиков идеала» (§ 27).

(а) Наука на самом деле является «самой современной и благородной формой» аскетического идеала. Она не верит в себя и действует только как средство самообмана для страдальцев (учёных), которые не хотят признавать, что страдают. В явном противоречии с аскетическим идеалом наука преуспела лишь в разрушении «внешних проявлений, оболочек, игры масок, ... её временного затвердевания, окаменения, догматизации» (§25). Отвергая притязания церкви на богословскую значимость человека, учёные ставят своё презрение к себе [цинизм] в качестве идеала науки.

(б) Современные историки, пытаясь взглянуть в зеркало на конечную реальность, не только аскетичны, но и в высшей степени нигилистичны. Будучи отрицателями телеологии, они «в последний раз восклицают»: «К чему?», «Напрасно!», «*Нада!*» (§26)

(с) Ещё худший тип историков — это те, кого Ницше называет «созерцателями»: самодовольные гедонисты, которые присвоили себе похвалу за созерцание (Ницше приводит в пример Эрнеста Ренана). В Европе полно таких «комиков христианско-нравственного идеала». В каком-то смысле, если кто-то и враждебен идеалу, то это они, потому что они, по крайней мере, «вызывают недоверие» (§ 27).

Стремление к истине, порождённое аскетическим идеалом, в свою очередь, привело к распространению правдивости, стремление к которой поставило под угрозу само стремление к истине. Таким образом, заключает Ницше, теперь требуется критика ценности самой истины (§24).

Прием и влияние

Эта работа получила множество цитат и отсылок из последующих философских книг, а также литературных статей, художественных произведений и тому подобного. "*О генеалогии морали*" считается многими учеными^[3] самой важной работой Ницше, и, несмотря на ее полемическое содержание, из всех его работ та, которая, возможно, ближе всего подходит к систематическому и последовательному изложению его идей.^[4] Некоторые из описанных в «*О генеалогии морали*» сюжетов и многие символы и метафоры, а также трёхчастная структура, по-видимому, основаны на книге Генриха Гейне «*О религии и философии в Германии*» и находятся под её влиянием.

В философии генеалогический метод — это исторический подход, при котором ставится под сомнение общепринятое представление о возникновении различных философских и социальных убеждений. В рамках этого подхода предпринимается попытка объяснить масштабы, широту или совокупность идеологий в рассматриваемый период времени, а не сосредоточиться на одной или доминирующей идеологии. В эпистемологии он впервые был использован Ницше, а затем Мишелем Фуко, который

попытался расширить и применить концепцию генеалогии в качестве нового метода исследования в социологии (преимущественно в «историях» сексуальности и наказания). В этом аспекте Фуко находился под сильным влиянием Ницше.

Другие использовали термин «генеалогия» в более широком смысле для описания своей работы. В качестве примера можно привести попытку британского философа Бернарда Уильямса обосновать ценность правдивости с помощью аргументов, основанных на генеалогии, в его книге *«Истина и правдивость»* (2002). Дэниел Деннет писал, что *«О генеалогии морали»* — «одно из первых и до сих пор наиболее тонких дарвиновских исследований эволюции этики».^[5] Стивен Гринблатт в одном из интервью сказал, что *«О генеалогии морали»* оказала самое важное влияние на его жизнь и творчество.^[6]

Издания

- *«Рождение трагедии из духа музыки»*, перевод Фрэнсиса Голффинга, издательство Anchor Books, 1956, [ISBN 0-385-09210-5](#)
- *«О генеалогии морали»* и *«Ессе Ното»*, перевод и редакция Уолтера Кауфмана (перевод «О генеалогии» в соавторстве с Р. Дж. Холлингдейлом), Нью-Йорк: Vintage, 1967; эта версия также включена в *«Основные труды Ницше»*, Нью-Йорк: Modern Library, 2000, [0-679-72462-1 ISBN](#).
- *«О генеалогии морали»*, перевод Кэрол Дит и под редакцией Кита Анселла-Пирсона, Кембридж: Издательство Кембриджского университета, 1994, [0-521-87123-9 ISBN](#).
- *«О происхождении нравственности»*, перевод и редакция Дугласа Смита, Оксфорд: Oxford World's Classics, 1996, [0-19-283617-X ISBN](#).
- *«О генеалогии морали»*, перевод и редакция Модемари Кларк и Алана Дж. Свенсена, Индианаполис: Хакетт, 1998, [0-87220-283-6 ISBN](#).
- *По ту сторону добра и зла. К генеалогии морали*, под редакцией Джорджо Колли и Маззино Монтинари, Мюнхен: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2002.
- *«Генеалогия морали»*, перевод Хораса Барнетта Сэмюэля, Нью-Йорк: Courier Dover Publications, 2003, [0-486-42691-2 ISBN](#).
- *«О происхождении нравственности»*, перевод Майкла А. Скарпитти и редакция Роберта К. Голуба (Penguin Classics) 2013. [ISBN 0141195371](#)

Комментарий

- Андреас Урс Зоммер: *Комментарий к «Генеалогии морали» Ницше* (= Гейдельбергская академия наук (ред.): Исторический и критический комментарий к произведениям Фридриха Ницше, т. 5/2). XVII + 723 страницы. Берлин / Бостон: Вальтер де Грюйтер, 2019 [978-3-11-029308-1 ISBN](#), электронная книга [978-3-11-038892-3 ISBN](#) (всеобъемлющий стандартный комментарий к *«Генеалогии морали»*, объясняющий структуру, контекст, предысторию и исторические источники книги — доступен только на немецком языке).
- Лиз ван Боксель: *Воинственный язык: победа Ницше над нигилизмом* Торонто / Чикаго: Political Animal Press 2020 [978-1895131-49-9 ISBN](#), Электронная книга [978-1895131-50-5 ISBN](#) (всеобъемлющий комментарий к *Генеалогии морали*, объясняющий смысл книги при внимательном прочтении).

Примечания и ссылки

---

1. К. Джанавей, *«За пределами бескорыстия: читая «Генеалогия» Ницше»* (OUP, 2007), стр. 1
2. *«Рождение трагедии и генеалогия морали»*, перевод Фрэнсиса Голффинга, Anchor Books, 1956, стр. 153
3. Шахт, Ричард, ред. *Ницше, генеалогия, мораль: очерки о «Генеалогии морали» Ницше*. Беркли: Издательство Калифорнийского университета, 1994.

4. См. Б. Лейтер, «*Ницше о морали*» (Routledge, 2002), стр. 73; В. Штермайер, «*Генеалогия морали*» *Ницше* (Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1994), стр. 7.; Ж. Делёз, «*Ницше и философия*» (PUF, 1962), стр. 99.
5. Деннет, Дэниел С. (июль 2014). «*Опасная идея Дарвина*» (<https://books.google.com/books?id=Y77BAwAAQBAJ&q=%22one+of+the+first+and+still+subtlest+of+the+darwinian+investigations+of+the+evolution+of+ethics%22&pg=PA182>). Саймон и Шустер. ISBN 9781439126295.
6. *Barnes & Noble: познакомьтесь с авторами* (<https://web.archive.org/web/20120210084124/http://www.barnesandnoble.com/writers/writerdetails.asp?userid=AG6YcY2DW0&cid=1305369#interview>). Архивировано из оригинала (<http://www.barnesandnoble.com/writers/writerdetails.asp?userid=AG6YcY2DW0&cid=1305369#interview>) 10 февраля 2012 года.

Внешние ссылки

- *Генеалогия морали* (<https://standardebooks.org/ebooks/friedrich-nietzsche/the-genealogy-of-morals/horace-b-samuel>) в Стандартные Электронные книги
- «*О происхождении нравственности*» (<https://archive.org/details/genealogyofmoral00nietuoft>), 1887. Перевод Хораса Б. Сэмюэля; в интернет-архиве
- «*О генеалогии морали*» (<https://archive.org/details/GenealogyOfMorals>) 1887; перевод Уолтера Хауземанна, 1897
- Ницше, Фридрих. 1887. «*О пользе и вреде истории для жизни*» (<https://web.archive.org/web/20131209194217/http://records.viu.ca/~johnstoi/nietzsche/genealogytofc.htm>) (перевод на английский Иэна Джонстона из Университетского колледжа Маласпина, Нанаймо, Британская Колумбия).
- 🎧 «*Происхождение нравственности*» (https://librivox.org/search?title=The+Genealogy+of+Morals&author=Nietzsche&reader=&keywords=&genre_id=0&status=all&project_type=either&recorded_language=&sort_order=catalog_date&search_page=1&search_form=advanced) — аудиокнига из общественного достояния на LibriVox
- «*Генеалогия морали. Полемическое сочинение*» (<http://www.nietzschesource.org/texts/eKGWB/GM>) онлайн-текст на немецком языке в «Ницше Source»
- «*К генеалогии морали. Спорный трактат*» (<http://gutenberg.spiegel.de/nietzsch/genealog/genealog.htm>) онлайн-текст на немецком языке в Projekt Gutenberg-DE
- «Ницше «*Генеалогия морали*»» (<https://www.bbc.co.uk/programmes/b087rt4z>), «*В наше время*», «Би-би-си Радио 4», 12 января 2017 г. Мелвин Брэгг и гости обсуждают книгу Ницше «*О генеалогии морали: полемическое сочинение*», которую он опубликовал в 1887 году в конце своей трудовой жизни и в которой он размышляет о цене, которую люди заплатили и продолжают платить за цивилизацию.
- Рик Родерик — «Ницше как мастер подозрений и аморальный человек» (1991) (<http://rickroderick.org/203-nietzsche-as-master-of-suspicion-and-immoralist-1991/>): видеолекция о взглядах Ницше на происхождение западных ценностей с кратким описанием его писательского стиля, его опыта как классика и его метода генеалогии.

Retrieved from "https://en.wikipedia.org/w/index.php?title=On_the_Genealogy_of_Morality&oldid=1274006821"